

А. В. Курганская
г. Чита (Россия)

Межтекстовые связи в речи персонажей (на материале прозы В. Дегтева)

В статье предлагается классификация межтекстовых связей в прозе В. Дегтева с точки зрения семантико-композиционного аспекта. Рассматриваются особенности использования межтекстовых связей в произведениях данного писателя, которые употребляются в речи персонажей.

Ключевые слова: межтекстовые связи, речь персонажей, прямая речь персонажей, несобственно-прямая речь, внутренняя речь.

A. V. Kurganskaya
Chita

The intertext communications in speech of characters (On material of V. Degtev's prose)

In the article the classification of intertextual communications in V. Degtev's prose from the point of view of semantiko-composite aspect is offered. Features of application of intertext communications in works of the given writer which are used in speech of characters are considered.

Key words: intertext communications, speech of characters, direct speech of characters, semi-indirect speech, internal speech.

Классификация межтекстовых связей, которые используются в прозе В. Дегтева, и описание их разновидностей вызывает особый интерес, так как они характеризуют индивидуальный стиль писателя, его менталитет и культурный уровень.

Проанализировав произведения В. Дегтева, мы выявили, что межтекстовые связи в прозе данного автора на две большие группы, ориентируясь на их роль в композиционном построении: 1) в речи персонажей; 2) в речи рассказчика.

По объему эти группы отличаются друг от друга:

– межтекстовые связи в речи персонажей составляют 68% от общего числа страниц исследуемых текстов (1784,3 страниц);

– межтекстовые связи в речи рассказчика составляют 32% от общего числа страниц исследуемых текстов (839,7 страниц).

В свою очередь, первую группу можно разбить на три подгруппы:

– межтекстовые связи употребляются в прямой речи персонажей, как

диалогической, так и монологической. Они представлены на 53% (945,7) страницах исследуемого текста;

– межтекстовые связи используются в несобственно-прямой речи персонажей – 29% (517,4 страницы исследуемого текста);

– межтекстовые связи употребляются во внутренней речи персонажей – 18% (321,2 страницы исследуемого текста).

В данной статье мы рассмотрим первую группу, так как В. Дегтев употребляет межтекстовые связи в речи персонажей чаще, чем в речи рассказчика. Это могут быть цитаты из песен, кинофильмов, художественных произведений, стихотворные цитаты; аллюзии, реминисценции, текст в тексте и другие приемы межтекстовых связей, с помощью которых автор дает характеристику своим героям.

В качестве подгруппы выделяются межтекстовые связи, которые используются в прямой речи персонажей. Приведем пример, в котором используются слова песни (Б. Мокроусов – И. Шамоу): «<...> высокую запели: «Горят костры далекие, Луна в реке купается, А парень,

с виду молодой, В пивнушке похмеляется...» [2, с. 374]. Приведем еще пример (используются слова народной песни): «...Поставив хромовый сапог на ящик, заиграл: «Седлайте мне коня лихова, Черкесским, убранным седлом, Я сяду, сяду и поеду В чужие, дальние края. Быть мож – винтовка-карабинка Убьет меня из-под куста, А шашка, шашка-лиходейка, Рассадит череп до седла...» [2, с. 376]. Разговорность, характерная для идиостиля В. Дегтева, поддерживается и композиционно разворачивается благодаря употреблению соответствующих межтекстовых словесных рядов.

Межтекстовые связи в прямой речи персонажей могут выделяться графически, например, с помощью курсива. Приведем пример цитаты из дворовой песни, автор которой неизвестен: «Друзей нет. Любимых растерял. ... *вагон к перрону тихо подходил; тебя больную, совсем седую, наш сын к вагону подводил* ...» («Кровавая Мери») [1, с. 11]. На межтекстовый словесный ряд накладывается графический словесный ряд, что позволяет композиционно и семантически отделить субъективированное повествование от авторского.

Цитация в произведениях В. Дегтева почти всегда сопровождается графическим словесным рядом. Что касается песенных контекстов (межтекстовых связей), то они довольно редко вводятся в текст в своем первоначальном виде – в стиховой форме: «... Из-за дымчатой крыши клуба, где хрипит изношенный проигрыватель, выплывает лунный желток; проклевываются блеклые звезды. С пруда тянет парным, лягушки вторят сверчкам и старой певичке с бархатным, подрастраченным пластинкой голосом, лозины застыли в оцепенении...

Мой костер в тумане светит,

Искры га-аснут на лету-у...» («Тепло давних лет») [1, с. 158]. Романс на стихи Я. Полонского вводится в текст с помощью фонетических средств, передающих протяжность его исполнения.

Словами, непосредственно вводящими строки из песен, в большинстве случаев являются специальные глаголы, указывающие на способ произнесения тех или иных слов: «В *нашу гавань*, – **пел** ты, – *заходили корабли, большие корабли из океана; в таверне веселились моряки*, – **вопил** ты, – *и пили за здоровье капитана...*» («Кровавая Мери») [1, с. 8] (автор неизвестен, песня многовариативная).

В речи персонажей в качестве межтекстовых словесных рядов употребляются крылатые выражения, например: «... Они кидаются на меня с торжествующими криками. «Кого любят боги, Сармат, тот умирает молодым. Умри же!» – кричат они в победном раже. Рано вы торжествуете...» («Гладиатор») [2, с. 83].

Нужно отметить, что иноязычные крылатые выражения обычно используются в переводе, если же крылатое выражение используется на языке оригинала, то автор в тексте рядом дает его перевод. Например:

«... Он помнил китайскую мудрость: если тебе предстоит сделать десять шагов и ты уже сделал девять, можешь считать, что половину пути ты уже одолел...» («Карамболь») [1, с. 119].

Все перечисленные межтекстовые связи связаны композиционно с авторским повествованием, так как являются чаще всего частью предложения.

В рассказе «Ответ» в качестве прямой речи персонажей выступают цитаты из книг, которые зачитывают друг другу персонажи, споря друг с другом:

«Он хватает книгу об истории славян и раскрывает ее на закладке <...> и читает наизусть, не скрывая ликования: «*Ныне жены наши говорят, что мы – блаженные, что мы утратили разум свой и стали как агнцы пред врагами. Что не смеем пойти на брань и мечом разить врагов наших*» [1, с. 45];

«И тем не менее я тяну руку, чтобы взять книгу и прочесть оттуда совсем другое, я хочу ткнуть их высокородия носом, например, в такое: «*И вот идет в сте-*

ли наше великое множество родов, и не должны мы быть мирными, и не должны просить помощи, ибо она в мышцах наших и на конце мечей наших, и ими мы сечем врагов наших». Я тяну руку к книге, чтобы прочитать это; это, а еще вот такое: «Мы разбили врагов, ибо мы – русские, а враги – нет. И там, где пролита кровь наша – там и земля наша». Я настойчиво тяну руку, но Шамиль будто и не видит ее, молча отводит, а книгу передает Витольду. И тот многозначительно подхихикивает, цитирует с упоением предисловие, написанное известнейшим русс... российским академиком, которого считают эталоном интеллигентности: «В I веке восточных славян еще не существовало – они не оформились в единый народ» [1, с. 45].

В приведенных примерах межтекстовые связи выделяются графически (курсив), выражают мысли персонажей.

Второй подгруппой являются межтекстовые связи, которые используются В. Дегтевым в несобственно-прямой речи. Их значительно меньше в тексте. Например, «Служители в черных одеяниях римского бога Харона счищают кровь деревянными лопатами, засыпают эти места зернистым песком. Цирк огромен, это одно из чудес света, цирк Флавиев. Мы, «идущие на смерть», шествуем друг за другом, по кругу, вдоль арены, одна колонна навстречу другой, мы поднимаем вверх руки со щитами копьями, мы приветствуем публику, пришедшую поглазеть на нашу смерть...» [1, с. 69].

В рассказе «Четыре жизни» в качестве несобственно-прямой речи выступают библейские межтекстовые словесные ряды: «... Что это нашим святым пребывать всегда в посте и в строгости? Пусть хоть в одном храме будут жизнеликующими.

И будет Он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи на орала, и копья – на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будет более учиться воевать...» [2, с. 16].

«... Увы, история людей ничему не учит, и безумие границ на свете не имеет.

К Тебе, Господи, возношу душу мою. Боже мой! На Тебя уповаю, да не

постыжусь вовек, да не восторжествуют надо мной враги мои, да не постыдятся и все надеющиеся на Тебя; да постыдятся беззаконствующие...» [2, с. 16].

В приведенных примерах межтекстовые связи (строки из молитв) синтаксически отделяют две параллельно рассказанных истории: воспоминания о юности двух друзей и гибель одного из друзей на войне. Строки из молитв представляют собой мысли и переживания одного из друзей (персонажа).

В третью подгруппу включаются межтекстовые связи, которые используются во внутренней речи персонажей. Это наименьшая по объему группа.

Например, в рассказе «Митрофан Фулькикультипистый»: «... Все это Митрофан Тихонович взвалил и потащил. На судьбу не ныл, на «лишения и тяготы» не роптал. Был у него такой, ныне утерянный (за что и поплатились), принцип старых классических большевиков: взваливать и тащить все, что выпало на долю. Если не мы, то кто?.. <...>

В футболе есть специфическое выражение – «в одно касание». Тоже очень точное выражение, если применить его к женитьбе Митрофана Тихоновича. Итак, женившись скоропостижно и в одно касание, он начал строить каменный дом, чтобы, значит, войти в него рука об руку с молодой супругой, и идти с ней через тернии жизни к звездам семейного счастья...» [2, с. 196].

Крылатые выражения употребляются как в неизменном виде: «в одно касание», «идти рука об руку», «через тернии к звездам», так и в модифицированном: «лишения и тяготы», «если не мы, то кто?».

В рассказе «Ответ» в качестве внутренней речи персонажа выступает цитата из книги:

«... А на кровати лежала книга в красном переплете, и раскрыта она была на знакомых словах:

«Да, это так. Это не может быть иначе. Ведь все, что чего-нибудь стоит, возникает в этом мире исключительно через борьбу. И на каждый вызов есть свой ответ.

Ненавидящих же и обидящих нас прости, Господи, Человеколюбче! Ибо не ведают, что творят, неблагодарные» [2, с. 49].

В приведенном отрывке передается речь персонажа, его мысли и чувства. Межтекстовый словесный ряд также выделяется графически.

В рассказе «Карамболь» во внутреннюю речь персонажа включаются строки из молитвы:

«... Тот, с бородавкой, сказал, что около двух суток? О, Боже, бездна времени, пропасть мучений! И в тебе помимо воли, тоже как бы само собой, звучит молитва:

— Господи Иисусе Христе, Сын Божий, молишь ради Пречистой Твоей Матери и всех святых помилуй нас. Аминь» [2, с. 113].

Таким образом, мы рассмотрели особенности употребления В. Дегтевым межтекстовых связей в речи персонажей. Это могут быть цитаты из песен, кинофильмов, художественных произведений, стихотворные цитаты; аллюзии, реминисценции, текст в тексте и другие приемы межтекстовых связей, которые используются в прямой речи (диалогической и монологической); несобственно-прямой речи; внутренней речи персонажей. Это позволяет говорить об идиостилии В. Дегтева. Изучение вопроса о межтекстовых связях расширяет представление о материале языковой композиции, о компонентах языковой композиции.

Список литературы

1. Дегтев В. И. Карамболь: Рассказы. Повесть. М.: Молодая гвардия, 2004. 258 с.
2. Дегтев В. И. Крест: книга рассказов. М.: Андреевский флаг, 2003. 448 с.

УДК 807

ББК 81. 411. 2

О. В. Ланская
г. Липецк (Россия)

Дом как отражение конфликта в семье и в обществе (на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина») Интерпретация текста

На материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в статье исследуется ключевое слово *дом*, напрямую связанное с реалиями второй половины XIX века. В тексте данная лексическая единица, фиксируя изменения в обществе, наряду с положительной коннотацией приобретает коннотацию отрицательную, утрачивают семы 'семья', 'традиции' и 'нравственный закон'. В то же время слова *дом* и *Россия* в качестве синонимов, обладающих общими семами 'любовь к отечеству' и 'единение', задают вектор духовного развития нации.

Ключевые слова: ключевые слова, лексико-тематическая группа, сема, синтагма.

O. V. Lanskaya
Lipetsk

The house as conflict reflection in family and society (On material of the novel of L. N. Tolstoy «Anna Karenina») Interpretation of the text

In the article the keyword «house» exemplified by novel of L. N. Tolstoy «Anna Karenina», is investigated. This word is directly connected with the realities of the second half of the XIX-th century. This lexical unit, fixing changes in a society, along with a positive connotation gets a negative connotation in the text. It loses such semes as 'family', 'traditions' and 'moral law'. At the same time the words *house* and *Russia* as synonyms possessing general semes 'love to fatherland' and 'a unification', set a vector of spiritual development of the nation.

Key words: keywords, lexical-thematic group, seed, family-units.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» значение слова *дом* объясняется, в первую очередь как

«строение для житья; в городе, жилое строенье» [1, т. I, с. 465]. Данная лексическая единица обозначает также семей-